

АРКТИКА КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕГИОН: ДО И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ

ARCTIC AS AN INTERNATIONAL REGION: BEFORE AND AFTER THE PANDEMIA

Лихачева А.Б.

[Likhacheva A.B.](#)

АННОТАЦИЯ

Арктический регион стал одним из наименее пострадавших от пандемии новой коронавирусной инфекции, за исключением того, что фактически остановился международный, прежде всего китайский, туризм, а также возникли определённые сложности в противодействии пандемии в удалённых районах Арктики. Однако изменения в международной системе и характере отношений между её ключевыми участниками, произошедшие за время пандемии, способны оказать (и уже оказывают) существенное влияние на Арктический регион, отношения арктических держав друг с другом и с неарктическими странами. Наиболее интересный сдвиг касается принципиально возросшей толерантности арктических стран к признанию климатической угрозы как угрозы объективной и в то же время, не имеющей конкретного носителя, «врага». В определённом смысле это тоже один из уроков пандемии: до событий 2020 года климатические вызовы оставались во многом уникальным, как бы «бессубъектным», феноменом для международной безопасности. В данной статье фиксируются ключевые качественные сдвиги в арктической повестке за прошедшие два года и предлагаются основные направления для международного диалога, которые Россия могла бы инициировать в ходе своего председательствa в Арктическом совете, начавшемся в мае 2021 года.

ABSTRACT

The Arctic region has in many ways become one of the least affected by the pandemic as such: the exceptions were the actual stop of international, primarily Chinese tourism in the Arctic and certain difficulties in countering the pandemic in the remote regions of the Far North. However, the changes in the international system and the nature of relations between its key participants that have occurred during the pandemic are capable of (and are already having) a significant impact on the Arctic region, the relations of the Arctic powers with each other and with non-Arctic countries. The most interesting shift concerns the fundamentally increased tolerance of the Arctic countries to the recognition of the climate threat as an objective threat and, at the same time, not having a specific carrier, an “enemy”. In a sense, this is also one of the lessons of the pandemic: before the events of 2020, climate challenges remained in many ways a unique similar “subjectless” phenomenon for international security. In this article, we document the key qualitative shifts in the Arctic agenda over the past two years and suggest the main directions for international dialogue that Russia could initiate during its chairmanship of the Arctic Council, which began in May 2021.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

Арктика
Арктический совет Международное
сотрудничество

KEYWORDS:

Arctic
Arctic Council
International
cooperation.

Лихачева А.Б.

Кандидат политических наук, директор Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), заместитель декана по науке факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

—
alikhacheva@hse.ru

[Likhacheva A.B.](#)

PhD in Political Science, Director at the Centre for Comprehensive European and International Studies (CCEIS), Deputy Dean for Research at the Faculty of World Economy and International Affairs of HSE University

—
alikhacheva@hse.ru

Пандемия как точка отсчёта: изменения для Арктики

Пандемию коронавируса и арктическую проблематику объединяет одна неочевидная, но очень существенная черта — высокая консервативность восприятия угроз государствами, по-прежнему являющимися центральными игроками (и регуляторами) международной среды. Сложившиеся к началу пандемии институты как государственного, так и меж- и надгосударственного управления показали практически полную неадекватность поведения по отношению к глобальным бессубъектным угрозам — угрозам, у которых нет конкретного «антропоморфного» врага (пусть даже коллективного). Пандемия проиллюстрировала крайнюю негибкость национальных правительств и, как следствие, межгосударственных институтов к подобным угрозам.

В результате, в случае с пандемией базовой реакцией стало закрытие национальных границ, т. е. определение сначала всего мира, а затем отдельных стран как носителей угрозы. Представляется, что это будет иметь серьёзные последствия и для других бессубъектных угроз, прежде всего изменения климата, а именно оно на сегодня — главный мотор, катализатор и в отдельных случаях, детонатор основных арктических процессов: физических [1, 5, 8], экономических и даже политических [11]. Неслучайно риторика климатического национализма появилась и проявилась именно после первых волн пандемии. В случае с Арктикой как главной мировой лабораторией изменения климата [7, 9, 10], где международная жизнь организована с помощью всего нескольких международных режимов с ограниченным числом участников, такой конфликт бессубъектной угрозы и стратегической привычки к поиску «носителя угрозы» сулит существенные риски для устойчивости арктических режимов, адекватности мер государственной политики в области предупреждения и смягчения климатической угрозы, и в то же время новые возможности для новых решений за рамками межстрановых игр с нулевой суммой [12].

Принципиальное изменение отношения России к климатическим и арктическим сюжетам уже нашло отражение в опорном документе внешнеполитического планирования — новой Стратегии национальной безопасности, опубликованной 2 июля 2021 года. Отдельно отметим изменения в трактовке ключевых национальных интересов «с учётом долгосрочных тенденций развития ситуации в Российской Федерации и в мире», среди которых выделены: «охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата» и «решение экологических проблем и рациональное использование природных ресурсов Арктической зоны Российской Федерации» [3]. При этом Арктика — единственный специфический регион, выделенный в климатическом экологическом блоке Стратегии. Соответственно, мы фиксируем принципиальное изменение к экологической и климатической проблематике со стороны Москвы. На самом высоком уровне признаются и изменение климата как угроза, и необходимость адаптации к нему с помощью дополнительных расходов, нового регулирования и пр. Сегодня Россия только вырабатывает свою комплексную стратегию в этой области, пытаясь совместить климатическую повестку и повестку развития, и Арктика в этом отношении — самый многообещающий и одновременно самый непростой регион.

Второй эффект пандемии, который имеет непосредственное отношение к арктической политике России и других стран — это в целом рост запроса на активную роль государства в сочетании с большой толерантностью государств к решительным действиям, перестройке сложившегося порядка вещей в самых разных отраслях, активизации мобилизационного ресурса. С учётом традиционно центральной роли государства в развитии Арктики, при мобилизационной модели развития (как минимум, на уровне инфраструктуры, преимущественно — двойного назначения), такой эффект пандемии соответствует арктическим проектам развития.

Третья тенденция, не связанная напрямую с пандемией, но явно обострившаяся на её фоне — это обострение конфронтации между США с одной стороны, Россией и Китаем — с другой. Это уже приводит к «переплёскиванию» неарктических разногласий на деятельность Арктического совета и в целом на качество международного диалога в регионе. Для России проблемой могут стать попытки сдерживания Китая со стороны США в Арктике: в этой ситуации Россия рискует столкнуться с непривычным для себя т. н. вторичным давлением, когда недружественные действия будут направлены не напрямую против нас, но сопутствующий ущерб потенциально нанести могут. Такая милитаризация Арктики, конечно будет в дальнейшем сильно осложнять конструктивный диалог в регионе по любым, далеко не только военно-политическим вопросам.

Пять идей для меняющейся Арктики

Сегодня, спустя полтора года с начала пандемии, мы можем обрисовать основные новые черты арктического региона. Региона всё более динамичного, непонятного по многим параметрам внешним и даже работающим там игрокам, всё менее обособленного от других элементов и процессов международной системы.

Арктика сегодня — это уже не «вещь в себе», а регион, на который будут всё сильнее проецироваться глобальные тенденции: и изменение климата, и адаптация к нему, и международно-политическая конфронтация, и новая экономическая конкуренция

(включая энергопереход и новую логистику, регионализацию и фрагментацию, заменяющие собой глобализацию в традиционном смысле). Новая Арктика требует новых подходов, и мы предлагаем пять основных направлений для их разработки.

1. Активная политика России по надстройке и модификации действующих в регионе международных режимов. В этом процессе уже участвуют как арктические (в первую очередь, США), так и неарктические страны и объединения (Китай, ЕС, Великобритания, Япония и пр.) [2], и в среднесрочной перспективе строго консервативная позиция России, не предполагающая разработки или уточнения имеющихся норм, рискует быть дискредитированной по целому ряду параметров. И речь не только о насущно российских вопросах, но и о формирующихся проблемах и сюжетах, таких как свободный район Северного Ледовитого океана, ранее не представлявший интереса и не доставлявший проблем для неарктических стран, поскольку преимущественно был покрыт льдом, а сегодня, с учётом таяния льдов и миграции рыбы в более холодные северные широты — всё более привлекательное место для промысловой ловли. И это только один из примеров [2].

В силу специфики Арктического региона действующие соглашения могут не регулировать экономику Арктики напрямую, но каналы институционального «переплёскивания» весьма обширны. От критики недостаточной «зелёности» проектов на фоне отсутствия общепринятых и разделяемых всеми таких критериев (что уже периодически происходит в отношении Северного морского пути), зелёного протекционизма, до санкционирования точечных проектов / игроков (что может быть особенно чувствительно, поскольку в Арктике ценность и роль каждого инфраструктурного объекта существенно выше, чем в обычных регионах).

2. Пересмотр российско-китайских подходов к сотрудничеству в Арктике. На фоне роста американо-китайских противоречий и более активной кодификации китайской угрозы на уровне НАТО, вероятно постепенное сокращение возможностей партнёрских отношений Китая с арктическими странами-членами НАТО, что увеличивает шансы на более продуктивное сотрудничество Москвы и Пекина. Пока-весьма скромное в силу размытого целеполагания сторон.

3. Принципиальный пересмотр вложений в управление физическими рисками в Арктике. Изменение климата увеличивает количество «неизвестных» в регионе и создаёт потребность в мониторинге, непрерывном сборе больших данных, создании моделей оценок эффектов климатических изменений. В целом решение подобных задач требует радикального пересмотра целей, задач и бюджетов арктической науки.

4. Активная интеграция российской Арктики в Азию. Долгосрочный риск развития Арктики представляет собой интенсивная регионализация в Азии. Или Россия через сеть экспортных проектов, логистических маршрутов, соглашений о зонах свободной торговли сможет «подключить» Арктику к Азии как важную часть континента, или в горизонте 7–10 лет российские экспортёры окажутся в куда более сложном положении, в сравнении с конкурентами из АТР.

5. Построение баланса экспортных зелёных проектов и российского зелёного регулирования. Уже сегодня для бизнеса растут риски компенсации эффектов за счёт проектов внутрироссийской ориентации. Соответственно, необходима разработка комплексного плана озеленения российской экономики, в т. ч. экспортных проектов в Арктике. Это может быть интегральной частью Национального адаптационного плана, однако указанная задача выходит за границы «необходимого». В этой связи важно разрабатывать не только рестрикции, но и стимулы, модели адаптации к изменению климата как источнику роста стоимости бизнеса, а не только способа избежать «штрафов Росприроднадзора».

Все указанные вопросы на данном этапе так или иначе находятся и в политической, и в экономической, и в новостной повестке, и в силу внутренних причин, и в силу интенсивного плана мероприятий, реализуемых Москвой в рамках председательства в Арктическом совете (далее — АС). Однако оно закончится уже весной 2023 г., и предстоящие полтора года могут быть благоприятным периодом для реализации отдельных проектов в АС, и, что может быть даже важнее, для чёткой артикуляции позиции страны по широкому пулу вопросов развития Арктики и запуска ряда долгосрочных переговорных процессов.

Российское председительство как окно возможностей¹

Начало председательства России в Арктическом совете ставит вопросы о том, как Москва будет реализовывать стратегию развития АЗРФ, и одновременно — искать ответы на общие угрозы в Арктике как международном регионе. Объявленные приоритеты председательства дипломатически безукоризненны, однако потребуют новых решений на всех уровнях — и воплощать их предстоит не всегда в дружественной среде.

Масштабы российской Арктики — и географические, и экономические, и демографические, делают РФ исключительно важным игроком в вопросах развития и сбережения региона, действительно — первым среди равных. В последние годы Россия предприняла целый ряд шагов по «возвращению в Арктику»: новую стратегию развития региона до 2035 г., специальный

¹ Фрагмент данного параграфа также опубликован на портале Roskongress.ru

инвестиционный режим Арктической зоны Российской Федерации, перенастройку отношений с крупным бизнесом и госкорпорациями, работающими в регионе. Запущен пионерный проект НИЦ «Российская Арктика» — уникальный по сложности и многослойности научно-инновационный проект. Однако значимость арктического региона для России и место России в Арктике как международном регионе ставят вопросы о повестке, которую Москва может предложить другим арктическим странам и странам-наблюдателям в АС и на других арктических площадках. Ключевые приоритеты начавшегося в мае 2021 г. председательства утверждены и объявлены, однако их предметное наполнение — вопрос сложной дипломатической работы на разных уровнях в ближайшие два года. Не говоря о международной политике России в Арктике по окончании председательства в мае 2023 года.

Представляется, что **центральное направление, цементирующее интересы развития и сбережения российской Арктики, а также общие интересы стран арктического региона — это вопросы адаптации повестки развития Арктики к изменению климата**, которое здесь проходит в разы быстрее, чем в других регионах мира. Превращение Арктики в глобальный заповедник прямо противоречит интересам всех арктических стран и всерьёз расходится с приоритетами стран-наблюдателей при АС, но наиболее остро задача развития во всё более хрупких арктических экосистемах стоит именно перед Россией. Соответственно, именно Россия может и должна выступать с активной и конструктивной повесткой как на уровне АС, так и на других площадках, в первую очередь — в Арктическом экономическом совете.

В международно-институциональном поле данную задачу можно решать через сочетание нескольких инструментов.

Во-первых, это инициирование создания профильной рабочей группы на уровне АС и уже в ближайшее время — начала разработки **Международной стратегии адаптации к климатическим изменениям в Арктике**. Данная работа могла бы быть проведена и в рабочей группе по устойчивому развитию в Арктике, однако в бюрократической логике повестка данной группы уже сформирована и наполнена проектами, а решение адаптационной задачи требует существенных свободных ресурсов. Данная стратегия должна быть направлена на повышение экологической ответственности арктических стран и предполагать соответствующую адаптацию их внутренних нормативных и законодательных баз. В центре внимания должны быть: реагирование на процессы таяния льдов и вечной мерзлоты, разработки в сфере чистых технологий и снижения загрязнения, изменение среды обитания животных и растений, защита трансграничных экосистем, особенно — морских.

Для успешной реализации данной инициативы Россия может использовать пошаговый подход, предполагающий синхронизацию усилий законодательной и исполнительной власти.

- Первый шаг предусматривает накопление научных знаний об арктической экосистеме, проведение регулярных мониторингов и аналитическое сопровождение климатических процессов. Международный арктический форум может стать эффективной площадкой для такой «сверки часов».
- Второй шаг предполагает непосредственно разработку Стратегии усилиями МИД РФ, Комитета по международным делам, Комитета по региональной политике и проблем Севера и Дальнего Востока, Комитета по делам национальностей ГД РФ и профильных комитетов Совета Федерации РФ в тесном сотрудничестве с парламентами других арктических стран, неправительственными организациями, экспертным сообществом России и стран-партнёров.
- Третий шаг предусматривает обсуждение Стратегии на площадке Конференции парламентариев Арктического региона, проведение публичных обсуждений и доработки, согласование документа, и на его основе — подготовку проекта резолюции.
- Четвёртый шаг предполагает обсуждение согласованного документа на уровне АС и принятие итоговой резолюции по инициативе России с перечнем основных направлений адаптации арктических стран к климатическим изменениям.

Принятие итоговой резолюции по инициативе РФ можно будет расценивать как крупный успех российской дипломатии с точки зрения укрепления нормативно-правовой составляющей взаимодействия в Арктическом регионе, особенно с учётом инерции существующих многосторонних институтов в Арктике и серьёзных проблем с эффективностью АС в последние годы.

Вторая мера — это инициирование диалога (не проекта) на уровне АС, нацеленного на формирование продвинутого режима **«повышенной климатической ответственности»** арктических государств. Потребность в таком режиме активно формируется: 234 ст. Конвенции ООН по морскому праву — одного из ключевых международных документов, формирующих международные режимы в Арктике — при поверхностном анализе увязывает регулирование в регионе с устойчивостью ледового покрытия, чем всё чаще вводит в заблуждение. Прямое следование букве статьи может предполагать, что отсутствие льда снимает проблемы особой чувствительности арктических экосистем к экономической деятельности, хотя ситуация в регионе складывается прямо противоположным образом. В результате уже сегодня всё чаще слышны разногласия между арктическими странами по вопросам свободы навигации в особых экономических зонах Северного Ледовитого океана.

Наконец, важное направление работы, особенно значимое для российских компаний — это **увязывание «зелёной», арктической и санкционной повесток**. Крайне важно выстроить международный консенсус, оберегающий арктические проекты и арктические компании от санкционных рисков в случае реализации ими масштабных зелёных проектов, при обращении к инструментам зелёного, или, что более корректно в случае с Арктикой, «белого» финансирования. Потенциал для такого диалога существует —

постулирование изменения климата как угрозы национальной безопасности целым рядом стран, прежде всего, США, открывает возможности для диалога в этой области.

Указанные инструменты и сюжеты, безусловно, хотя и находятся в поле ответственности АС, требуют обсуждения и активной проработки также на уровне Арктического экономического совета, особенно с учётом особо значимой роли крупных корпораций при реализации именно арктических проектов.

Более того, как показала сессия «Новый раунд развития Арктики», прошедшая в рамках Петербургского международного экономического форума 2021, диалог с арктическим бизнесом исключительно важен, поскольку традиционно Арктика была территорией больших проектов и крупных игроков. Однако социальные и экологические вызовы сегодня требуют переноса тройки баланс отношений между арктическими государствами, крупными компаниями, региональным малым и средним бизнесом и местными сообществами, в особенности — с представителями коренных и малочисленных народов Севера. Претворение в жизнь модели инклюзивного развития Арктики — важная задача российской арктической стратегии до 2035 г. и российского председательства 2021–2023 гг., для решения которой придётся задействовать все уровни арктических отношений — межгосударственных, деловых и неправительственных.

Литература:

1. Алексеев Г.В., Асарин А.Е., Балонишникова Ж.А., Битков Л.М., Булыгина О.Н., Бугров Л.Ю. и др. Второй оценочный доклад Росгидромета об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации // Росгидромет [Электронный ресурс]. 2014. URL: http://downloads.igce.ru/publications/OD_2_2014/v2014/htm/ (Дата обращения: 07.10.21)
2. Балтон Д., Загорский А., Управление морскими ресурсами в Северном Ледовитом океане // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Arctic-Marine-Report56.pdf> (дата обращения: 07.10.21).
3. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. 2021. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 07.10.21).
4. Изменение климата 2013 – Основа физических наук: Вклад Рабочей группы I в Пятый оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата // Межправительственная группа экспертов по изменению климата [электронный ресурс]. 2014. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar5/wg1/> (дата обращения: 07.10.21).
5. Хигера, П.Э., Л.Б. Брубейкер, П. Андерсон, Т. Браун, А. Кеннеди, Ф.С. Ху. Частые пожары в древней кустарниковой тундре: влияние палеорекордеров на изменение окружающей среды в Арктике // PLoS One. 2008. 5 марта. DOI: 10.1371/journal.pone.0001744
6. Ховелсруд Г.К., Б. Поппель, Б. ван Оорт, Дж. Рейст. Арктические общества, культуры и народы в меняющейся криосфере // Ambio. 2011 г. URL: <https://doi.org/10.1007/s13280-011-0219-4>
7. МГЭИК. 2013. Изменение климата 2013: основы физических наук. Вклад Рабочей группы I в Пятый оценочный доклад МГЭИК. Кембридж: Издательство Кембриджского университета.
8. Мелвин А.М., П. Ларсен, Б. Бёлерт, Дж. Э. Нойман, П. Чиновски, Х. Эспине, Дж. Мартинич, М.С. Бауманн и др. Ущерб, наносимый изменением климата общественной инфраструктуре Аляски, и экономика упреждающей адаптации // Труды Национальной академии наук Соединённых Штатов Америки. 2017. 114: E122–E131; DOI: 10.1073/pnas.1611056113
9. Дж. Оверлэнд, Е. Ханна, И. Ханссен-Бауэр, С. Дж. Ким, Дж. Э. Уолш, М. Ван, Ю.С. Бхатт, Р. Л. Томан. Температура приземного воздуха // Веб-сайт арктической программы NOAA [электронный ресурс]. 2015. URL: http://www.arctic.noaa.gov/report15/air_temperature.html (дата обращения: 07.10.21).
10. Х.О. Пёртнер, Д.С. Робертс, В. Массон-Дельмонт, П. Чжай, М. Тиньор, Э. Полочанска, К. Минтенбек, А. Алегррия, М. Николай, А. Окем, Дж. Петцольд. Океан и криосфера в условиях меняющегося климата // Специальный доклад МГЭИК (SROCC) [электронный ресурс]. 2019. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/3/2019/12/SROCC_FullReport_FINAL.pdf (дата обращения: 07.10.21).
11. Шрайбер М., Россия и Канада могут потерять законные права на арктические морские пути из-за таяния льда, считают эксперты // Arctic Today [Электронный ресурс]. 2019. April 4. URL: <https://www.arctictoday.com/russia-and-canada-may-lose-their-legal-claim-to-arctic-seaways-as-ice-melts-experts-say/> (дата обращения: 07.10.21).

12. Янг О. Пришло ли время для перезагрузки управления в Арктике? // Устойчивое развитие. 2019 г.; 11(16):4497; URL: <https://doi.org/10.3390/su11164497>

Literature:

1. Alekseev G.V., M.D. Ananicheva, O.A. Anisimov, I.M. Ashik, M.Yu. Bardin, E.G. Bogdanova, O.N. Bulygina et al. Second Roshydromet Assessment Report on Climate Change and Its Consequences In Russian Federation // Roshydromet [Electronic resource]. 2014. URL: http://downloads.igce.ru/publications/OD_2_2014/v2014/pdf/resume_ob_eng.pdf (accessed 07.10.21).
2. Balton D., Zagorsky A. Implementing Marine Management in the Arctic Ocean // Russian International Affairs Council [Electronic resource]. 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Implementing%20Marine%20Management%20in%20the%20Arctic%20Ocean.pdf> (accessed 07.10.21).
3. Executive Order On the National Security Strategy of the Russian Federation [Electronic resource]. 2021. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (accessed 07.10.21).
4. Climate Change 2013 – The Physical Science Basis: Working Group I Contribution to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change // Intergovernmental Panel on Climate Change. [Electronic resource]. 2014. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar5/wg1/> (accessed 07.10.21).
5. Higuera, P.E., L.B. Brubaker, P.M. Anderson, T.A. Brown, A.T. Kennedy, and F.S. Hu. Frequent fires in ancient shrub Tundra: Implications of paleorecords for Arctic environmental change // PLoS One. 2008. March 5. DOI: 10.1371/journal.pone.0001744
6. Hovelsrud, G.K., B. Poppel, B. van Oort, and J. Reist. Arctic societies, cultures and peoples in a changing Cryosphere // Ambio. 2011. <https://doi.org/10.1007/s13280-011-0219-4>.
7. IPCC. 2013. Climate change 2013: The physical science basis. Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the IPCC. Cambridge: Cambridge University Press

8. Melvin, A.M., P. Larsen, B. Boehlert, J.E. Neumann, P. Chinowsky, X. Espinet, J. Martinich, M.S. Baumann, et al. Climate change damages to Alaska public infrastructure and the economics of proactive adaptation // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2017. 114: E122–E131; doi: 10.1073/pnas.1611056113
9. Overland, J., E. Hanna, I. Hanssen-Bauer, S.-J. Kim, J.E. Walsh, M. Wang, U.S. Bhatt, R.L. Thoman, Surface air temperature // NOAA's Arctic Program Website [Electronic resource]. 2015. URL: http://www.arctic.noaa.gov/report15/air_temperature.html (accessed 07.10.21).
10. Pörtner, H.O., Roberts, D.C., Masson-Delmotte, V., Zhai, P., Tignor, M., Poloczanska, E., Mintenbeck, K., Alegria, A., Nicolai, M., Okem, A. and Petzold, J., The Ocean and Cryosphere in a Changing Climate // IPCC Special Report (SROCC) [Electronic resource]. 2019. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/3/2019/12/SROCC_FullReport_FINAL.pdf (accessed 07.10.21).
11. Schreiber M., Russia and Canada may lose their legal claim to Arctic seaways as ice melts, experts say // *Arctic Today* [Electronic resource]. 2019. April 4. URL: <https://www.arctictoday.com/russia-and-canada-may-lose-their-legal-claim-to-arctic-seaways-as-ice-melts-experts-say/> (accessed 07.10.21).
12. Young O.R. Is It Time for a Reset in Arctic Governance? // *Sustainability*. 2019; 11(16):4497. <https://doi.org/10.3390/su11164497>